

оригинальная статья

Структура высших органов власти в первый период российской государственности

Солодова Галина Сергеевна

Институт философии и права СО РАН, Россия, Новосибирск

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Россия, Новосибирск

Scopus Author ID: 39362330400

gsolodova@gmail.com

Поступила 08.02.2023. Принята после рецензирования 11.03.2023. Принята в печать 14.04.2023.

Аннотация: Сегодняшний интерес к политической истории, изучению феноменов верховной государственной власти связан с ростом признания значимости государства. Цель – исследовать структуру высших органов власти в первый период российской государственности. В основу исследования легли фундаментальные труды о ранней славянской государственности в интерпретации дореволюционных юристов и философов права М. Ф. Владимирского-Буданова, С. А. Корфа, А. К. Толстого, М. А. Дьяконова, Н. М. Коркунова. Верховная власть первого периода российской государственности характеризуется наличием договорных отношений, совместного властвования и элементов политики. Уже на данном этапе можно говорить о проявлении в политическом устройстве государственной власти механизмов социальной самоорганизации. Структура высших органов носила тройственный характер. Сочетание различных элементов власти – княжеской (монарх), боярской (аристократия) и народной (демократия) обеспечивало законность и управляемость, что позволяет говорить о том, что форма общественного управления первого периода российской государственности соответствует политике. Структура правления предполагала коллегиальную и единоличную организацию власти, элементы представительства, совещательные учреждения (боярская дума и вече). Не претендуя на попытки прогноза и моделирования потенциальных форм верховной государственной власти, заметим, что интерес к прошлому дает материал для выявления исторических закономерностей, оценки степени их укорененности.

Ключевые слова: государство, периоды русской государственности, верховная власть древнерусского государства, княжеский период, княжеская власть, боярская дума, вече

Цитирование: Солодова Г. С. Структура высших органов власти в первый период российской государственности. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2023. Т. 8. № 2. С. 131–138. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-131-138>

full article

Structure of the Supreme Authorities in the First Period of Russian Statehood

Galina S. Solodova

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of Russian Academy of Science, Russia, Novosibirsk

Siberian State University of Telecommunications and Information Science, Russia, Novosibirsk

Scopus Author ID: 39362330400

gsolodova@gmail.com

Received 8 Feb 2023. Accepted after peer review 11 Mar 2023. Accepted for publication 14 Apr 2023.

Abstract: Interest in political history and the supreme state power is growing due to the recognition of the state importance. The purpose of the article is to analyze the structure of the supreme authorities in the first period of Russian statehood. The research references studies of the early Slavic statehood. In the first period of Russian statehood, the supreme power incorporated contractual relations, joint rule, elements of politia and social self-organization. The structure of the supreme authorities was threefold. The combination of various elements of power provided legitimacy and manageability. The structure of the governing bodies included elements of collegial and sole power, representation, advisory institutions. The research of the past provides material for identifying historical patterns and their presence nowadays.

Keywords: state, periods of Russian statehood, supreme power of the Old Russian state, princely period, princely power, boyar дума, вече

Citation: Solodova G. S. Structure of the Supreme Authorities in the First Period of Russian Statehood. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023, 8(2): 131–138. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-131-138>

Введение

Сегодняшний интерес к политической истории и изучению феноменов верховной государственной власти связан с ростом признания значимости государства. Озвучим несколько базовых тезисов: 1. Несмотря на рост международной взаимозависимости, современные государства претендуют на сохранение внутреннего суверенитета. 2. Для определения уровня суверенитета ключевыми являются степень монополии на выработку общеобязательных норм и право принуждения к их исполнению. 3. Государство есть прежде всего властвование. Признак власти, хотя и не является достаточным, по своему существу всегда стоит на первом месте. Принудительная власть составляет отличительную особенность государства как особой формы человеческого общежития [1]. 4. Будучи суверенной, государственная власть не является неограниченной. 5. Несмотря на объективно-принудительное ограничение личной свободы, граждане рассматривают государство как средство для достижения своих целей.

Эпиграфом к работе может стать выдержка из труда С. А. Корфа и А. К. Толстого: «Именно в наше время, когда русским гражданином переживается эпоха переоценки всех ценностей, более чем когда-либо чувствуется потребность в сознательном отношении к прошлому, к тому великому процессу, благодаря которому выросло и складывалось русское государство» [2, с. V].

Несмотря на то, что «процессы политической эволюции не следует сводить исключительно к возникновению государства», тем не менее есть «основания признать государственную ветвь политогенеза основной, а альтернативные пути – боковыми» [3, с. 27–28]. Государство как базисная структура «осуществления власти и господства» является «общественно-универсальным явлением» [4, с. 72; 5, с. 54–58], а не результатом проявления и реализации индивидуальной воли. Потребность в организации власти и структуре подчинения исходит из коллективного осознания их необходимости. Государственное устройство предполагает наличие неких *институций*, явных и латентных, а также формальных и неформальных структур и предписаний, необходимых для сохранения властных и политических практик. Как отмечает известный американский исследователь М. Манн, «государства существуют, поскольку они функционально необходимы для социальной жизни за рамками ее простейшего уровня... Государства представляют собой нечто весьма

полезное для аристократического класса – *территориальную централизацию*. Целый ряд различных функций, таких как отправление правосудия и принуждение, военная организация и экономическое перераспределение... более эффективны, если они централизованы. Местом сосредоточения, централизации этой деятельности является государство» [6, с. 264].

Понимание государства и государственной власти как объективно закономерного продукта исторического развития человеческих сообществ не исключает разных подходов к рассмотрению предпосылок его появления. Единой теории происхождения государства на сегодняшний день не существует. По-видимому, ее не может быть в принципе, т.к. время и исходные условия возникновения государств отличаются [7; 8; 9]. В интерпретации провиденциализма и теократии государственная власть имеет божественное, религиозное основание. Однако отдаление от церковных догм способствовало появлению новых каузальных объяснений. В ирригационной теории акцент делается на хозяйственно-экономических потребностях сообществ. В патриархальном или родовом подходе государство рассматривается как расширенная семья, преобладание родового начала над собственно государственным. Однако, чем многочисленнее род, тем слабее кровные связи, и, как следствие, возникает вопрос о рычагах управления, способных сохранить родовые сообщества. В теории внешнего насилия возникновение государства обусловлено борьбой различных племенных и родовых общин между собой. Наиболее ярким представителем этой теории является Л. Гумплович, считавший, что «государство создается собственно насильем». Другой сторонник данного подхода, Э. Дженкс, отмечает, что «с исторической точки зрения нет ни малейших трудностей в доказательстве того, что все политические общины современного типа (то есть государства) существуют благодаря успешным войнам» [1, с. 58]. На других теориях (классовой, договорной, органической и др.), показывающих взаимообусловленность появления данной формы политической власти и социально-исторического контекста, останавливаться не будем.

Исходя из определения государства как структуры для осуществления господства, его основными внутренними функциями являются поддержание общественного порядка, обеспечение экономической

деятельности, социальная защита населения. Традиционная внешняя задача – оборона, защита границ подвластной территории.

Говоря о структуре и порядке формирования высших органов власти, заметим, что вопросы государственного устройства и классификации форм власти уходят к мыслителям древности. Аристотель выделял шесть форм правления: монархия – один правитель, руководствующийся требованиями общего блага; тирания – единоличное правление для достижения личного блага; аристократия – правление меньшинства в интересах всего общества; олигархия – правление меньшинства для продвижения своих частных, собственных интересов; наконец, две формы господства большинства – это «правильная» политика и «неправильная» демократия [1, с. 40]. С точки зрения немецкого философа и правоведа Л. Штейна, основная ценность монархии «не в том, чтобы правил один, а в том, чтобы власть была независима от общества». Государство и общество, несмотря на их первоначальное отождествление, – «две существенно различные формы человеческого общения. В основании общества лежит человеческое неравенство, зависимость неимущих от имущих, следовательно, начало несвободы; в основе государства, напротив, нравственное начало свободы» [1, с. 44–45]. Доминирующая сегодня республиканская форма верховного правления предполагает выборность и сменяемость. Ни один государственный орган не обладает своими полномочиями по собственному праву, но получает их в результате выборов [10, с. 34–51; 11; 12; 13, с. 13–34]. Только монархия располагает самостоятельностью власти. С этой точки зрения республиканская форма правления является проявлением несамостоятельности государственной власти, «подчиненной господствующему общественному классу» [1, с. 44–45].

Три периода российской государственности

Дореволюционные историки выделяли три периода отечественной государственности. Для обозначения первого периода славянской государственности, существовавшего в IX–XIII вв., в летописных памятниках использовались понятия княжения, волости. Соответственно, начальный период славянского управления – волость-государство. Отметим, что вплоть до XIV в. термин волость использовался для обозначения государственной, а не привычной для нас административно-территориальной единицы внутри государства [2, с. 1–7]. Другое название первого периода русской государственности – земский, или княжеский. В этот период история русского права совпадает с правом общеславянским. Второй период, московский, продолжался с XIV по XVI вв. И, наконец, третий, имперский период, существовал

в XVIII–XIX вв. Термин *государство* в его современном понимании стал употребляться применительно к древнерусскому государству в XIV–XVI вв., т.е. во втором периоде [13, с. 3–4].

С точки зрения политического устройства Древняя Русь представляла собой значительное число небольших государств, называемых землями, княженьями, волостями, уездами, отчинами. Термины *земля*, *волость* имели тройственное наполнение и использовались для обозначения территорий, населения государства и подчинения княжеской власти. Их границы были подвижны – «одни государства поглощаются другими более сильными; другие распадаются на несколько самостоятельных частей». Вместе с тем, «каждое из таких маленьких государств представляет из себя политически независимое целое» [14, с. 63–68]. Государство-земля как «союз волостей и пригородов под властью старшего города означает не только государство в целом, но и его элементы, а именно: территорию, население и власть» [13, с. 10–13]. Старший город являлся современным эквивалентом столицы – давал название всей земле, был ее политическим центром и средоточием власти. Ввиду того, что во всяком общественном союзе самостоятельное или принудительное властвование должно иметь внешние пределы, за которые оно не простирается, фактор территории являлся определяющим или предельным. Это касалось и подвижных границ.

Население княжений, земель, государств имело смешанный племенной состав [14, с. 68], в который входили не только славянские, но и нормандские, финские племена, а также печенеги, половцы, позднее – татары. Города, волости вырастали и развивались «совершенно независимо от племенных и этнографических делений Руси; границы округов и волостей торговых городов не совпадали с границами племенными» [2, с. 10]. Однако такая «разноплеменность» не отражалась на сообществах заметным образом, не являлась основанием для социальных различий и стратификации. Слияние сравнительно немногочисленных неславянских элементов со славянами произошло довольно рано [14, с. 71–72]. Базируясь на летописных материалах и законодательных памятниках, М. Ф. Владимирский-Буданов показал, что, несмотря на этнографические, правовые и культурные различия славянских племен, уже в этот период зафиксировано «сознание единства русской нации» [15]. Другое дело, что в развитии базовых элементов государственности – территории, населения и власти – не было синхронности. На разных территориях, в разных княжествах и уделах они развивались с разной интенсивностью и успешно. Отсюда проистекает некое противоречие между реальной раздробленностью государства и осознанием обществом своего единства.

Верховная власть древнерусского государства, или эпохи *первых княжеств* [16, с. 19], по своей форме и сути носила тройственный характер. Согласно летописи, решение государственных дел осуществлялось князем, боярской думой и народным собранием (вече). Сила и устойчивость верховной власти и политического устройства определялись взаимной зависимостью составляющих их компонентов. Хотя и неоспорно, организацию государственной власти можно определить как политику. Формы политик различны. Еще Плутарх замечал, что «полития ... все равно что характер человека, а они разнообразны» [17]. Для уменьшения вариативности в интерпретации данного понятия, сошлемся на главного редактора журнала «Полития» С. И. Каспэ: «начиная с Аристотеля, термин политики использовался для обозначения не идеальной, но наилучшей из возможных форм правления. Это такое правление, "когда ради общей пользы правит большинство"». При этом нужно учитывать еще одну мысль Аристотеля: «только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными; имеющие же в виду только благо правящих – все ошибочны: они основаны на началах господства, а государство есть общение свободных людей»¹.

Природа княжеской власти

Несколько слов о природе княжеской власти. Корни ее происхождения уходят в патриархальные, доисторические времена. «Князь – необходимый элемент в составе государственной власти всех русских земель: ни одна из них не может обойтись без князя» [14, с. 136–137]. В народных свадебных обрядах новобрачных как родоначальников нового рода называли князем и княгиней, у южных славян князем именовали общинного старшину. Другими неофициальными титулами власти были каган, царь, самодержец. Состав княжеской власти был родовым – власть принадлежала не одному лицу, а целому роду. Как и сама княжеская власть, *родовое соправительство* представляет собой древнее явление.

Однако впоследствии оно уступает место разделению власти по территориальному критерию. С конца X в. этот принцип получил решительный перевес и была создана т. н. *удельная система*. Следствием этого стало нарушение единства власти княжеского рода. В каждой земле появляется свой род князей-соправителей. Первоначально государственная власть носит частноправный характер, сохраняющийся в течение всего первого периода [13, с. 36–38; 18, с. 140–142]. Повсеместным признаком древнего

управления было смешение частных интересов и целей с общественными и государственными. Князь занимал особое положение. Он был «самым главным правительственным органом» [14, с. 164]. По словам Н. И. Костомарова, «по понятиям века, казалось невозможным сидеть без князя» [13, с. 36–37]. В лице князя военная сила соединялась с силой политической, «военноначальник являлся одновременно и судьей, и управителем» [2, с. 56]. В его компетенцию входили все вопросы, касающиеся внешней и внутренней жизни страны, прежде всего – поддержание внешнего мира и защита земли от внешнего врага [14, с. 138]. Главной обязанностью княжения была защита государства от внешних угроз, защита народа. Князья обладали безусловным правом и авторитетом в решении военных вопросов, лично принимали участие в сражениях.

Если говорить о динамике властных полномочий, то первоначально княжеская власть носила неограниченный характер. Ее неограниченность опиралась на родовые основания власти, была их следствием и продолжением. В дальнейшем это стало результатом равенства как интересов, так и воли князя и народа. При этом народ мог избрать князя, которого считали наилучшим, и сместить князя, которого считали неподходящим для правления. Постоянная борьба всех земель против своих князей не означала борьбу против княжеской власти как таковой. Целью была оптимизация управления, «стремление отыскать наилучшего князя» [13, с. 36–42]. Характеризуя отношения между князем и народом, представленным вечем, необходимо признать факт существования договорных отношений. Обе договаривающиеся стороны были субъектами публичного права, а само содержание договора носило публично-правовой характер [2, с. 67–69]. Помимо задач государственного управления, князю вручались судебные функции – «впредь, если кому из нас будет обида, то ты сам суди». Ему же принадлежала и законодательная власть. Постепенно, от сбора дани к судебным, таможенным пошлинам, происходит закрепление фискальной функции, дополнявшей защитную и административно-судебную. Как в языческие времена, так и с принятием христианства, помимо светской власти князю принадлежала и религиозная власть. Князья становились покровителями церкви, активно участвовали в становлении церкви, решении вопросов внешней церковной жизни, назначении духовных лиц (священников, митрополитов), влияли «на низложение церковных сановников», содействовали установлению церковных законов [13, с. 37–43]. Княжеская

¹ Публичная политика в России: кто и как ее формирует (Седьмые Губернаторские чтения. Тюмень, 7 февраля 2012 г.). *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2012. № 1. С. 166–167. <https://www.library.ru/syomvf>

власть как сила, необходимая для суда и управления (внутреннего наряда), уравнивающая взаимное соперничество разных составляющих государство институтов, являлась необходимым элементом государственного устройства всех древнерусских земель.

Боярская дума как составная часть верховной государственной власти

Параллельно княжеской власти развивались структуры, контролируемые, ограничивающие ее применение и, соответственно, разделяющие с ней ответственность за результаты решений. Второй составной частью верховной государственной власти и ограничителем княжеской власти была боярская дума, представляющая собой постоянный совет, решающий вместе с князем государственные, земские вопросы. Любопытно, что привычное нам понятие *боярская дума* в древних памятниках не встречается. Оно было образовано на основании словосочетания *бояре думающие*. Несмотря на некоторые дискуссии, состав думы был четко определен. В X в. в нее входили *высшие служилые люди* (бояре) и *старцы*, или *старейшины* (земские бояре). Позднее в XI в. произошло слияние, объединение служилых и земских бояр под общим названием бояре. Являясь частью верховной власти, боярская дума составляла «необходимый элемент власти в каждой земле». Несмотря на то, что существует мнение о возможности князя выбирать – обратиться к думе или нет, «факты указывают на *обязательность* для князя совещаний с боярами». Обязательность эта была освящена обычаем, который в то время заменял закон. Боярской думе принадлежал широкий круг правовых, властных полномочий. Дума принимала участие в решении вопросов внешней политики, договоры о войне и мире заключались от имени князя и его *светлых бояр*. Совместно с вечем она уполномочивалась «приглашать князя и рядиться с ним», ей же, иногда вместе с вечем, предоставлялась возможность высшего суда над князьями и членами их семейств [13, с. 45–52]. Как отмечает В. О. Ключевский, «совещание с боярами было не политическим правом бояр или обязанностью князя, а *практическим удобством* для обеих сторон» [цит. по: 14, с. 161].

Народное вече – третий элемент высшей государственной власти

Термин *вече* применялся в летописях в разных смыслах. В рассматриваемом историко-правовом контексте под ним подразумевается собрание полноправных граждан старшего города земли. Основная задача, возложенная на вече – это публичное обсуждение важнейших вопросов и законов. Как «форма непосредственного участия народа в политической

жизни, в обсуждении и решении дел», вече в древней Руси было распространено повсеместно и «было совершенно необходимо» [14, с. 119; 19, с. 5–11].

Как и власть князя и боярской думы, вече имеет доисторическое происхождение, т.е. является институтом обычного права. С полной достоверностью установить точное время возникновения вече на разных славянских землях проблематично. Живший в VI в. Прокопий отмечал, что «славяне и анты не имеют единой державы, но с древнейших времен живут в народоправстве; счастливые или несчастные случаи созывают их в общее собрание». Однако на этих собраниях «царствуют несогласия» [13, с. 53].

Следующий этап в развитии народных собраний происходит уже в IX–X вв. Для него характерен переход от племенного собрания к городскому. Применительно к этому периоду можно говорить о представительном характере вече – «лучшие люди всей земли» сходятся в старший город, где и обсуждают земские вопросы в присутствии граждан этого города. Очевидно, что «поголовное собрание всех взрослых жителей земли» уже невозможно.

Третья, завершающая эпоха вечевых собраний приходится на XI–XIII вв. Это время усиления централизованного управления – «власти старших городов». Наряду с этим, это период полного развития ее прав и приобретения полной самостоятельности. Выделившись из совета старейших и состоя главным образом из простых граждан, вече «есть демократическая форма власти, т.е. главная роль при решении дел принадлежит простому народу» [13, с. 56]. Наряду с простыми гражданами, вече включало князя, бояр, духовенство. Соответственно, несмотря на преобладание престолярной составляющей, вече не было властным органом исключительно низшего класса, но являлось *общеземской* властью. Такая форма государственной власти создана не во имя борьбы с князем и боярской думой, а «для единения (одиначества), т.е. для решения земских дел согласной волей князя, бояр и народа». Для принятия решений требовалось единогласие, буквально – «едиными устами» или «единодушно». Стоит заметить, что столь благостная картина достигалась не всегда и не сразу. Так, в 1218 г. новгородское вече продолжалось целую неделю, пока «не сошлись братья все единодушно». Фактически под единогласием скрывалось подавляющее большинство. Особо отметим замечание М. Ф. Владимирского-Буданова о том, что «понятие борьбы чуждо русскому государственному праву» [13, с. 52–60]. Стремление к единогласию было залогом прочности вечевых постановлений и зачастую «немногие несогласные не решались выступить против решительного большинства, а последнее считало себя в праве принудить отдельных присоединиться к принятому решению» [14, с. 126].

Вече, как коллективное и непосредственное осуществление государственной власти, располагало широким набором прав. Вечевые полномочия не ограничивались каким-нибудь одним родом дел. Подобно правам князя и думы, права вече распространялись на всю сферу высших государственных дел управления и суда. Оно решало судьбы народа, управляло и законодательствовало [2, с. 30]. По традиции и с древнейших времен наибольшие права принадлежали вече «в сфере внешней политики и в вопросах о войне и мире». Данное обстоятельство вполне объяснимо – для ведения войны требовалось согласие всего населения. В сфере внутреннего государственного устройства значение вече одинаково с властью князя и боярской думы. Если рассматривать временную динамику, то одной из причин постепенного снижения роли и прекращения вечевых собраний стало территориальное расширение, увеличение численности населения, вызвавшие несоответствие «этой формы правления широкой территории государства» [13, с. 60–62]. Индивидуальное участие заменяется собраниями народных представителей [14, с. 135]. Народные представители были призваны выражать общественное мнение, при этом они могли находиться в оппозиции княжеской власти, что несколько не противоречило их представительским обязанностям. Другим фактором перехода от властной триады к ее дихотомии стало монголо-татарское нашествие. Несмотря на то, что основной тренд перераспределения высшей государственной власти связан с созданием условий для усиления княжеской и боярской власти, говорить о ее полной мобилизации и концентрации в одних руках оснований нет.

Княжение, боярская дума и вече были взаимоконтролирующими слоями власти. Тройственная структура верховной власти, ее коллегиальность предотвращали злоупотребления, не допускали принятия односторонних решений, давали больше гарантий взвешенности и справедливости.

В первом, земском, или княжеском, периоде русские земли не были объединены в одно цельное государство. Однако уже тогда были очевидны «некоторые начала будущего государственного единства» [13, с. 69]. Начиная со второй половины XIII в. главный интерес жизни России сосредоточивается не на уделах, а на образовании двух отдельных государств – Московского и Литовского, со временем включивших в свой состав прежние княжения Древней Руси. В результате правления московского князя Ивана III, «первоначальника и творца самодержавия и единой державы», Русь удельная стала Русью Московской. Произошло объединение княжеств вокруг Москвы, вошедшее в историю под названием *собирание земель* [13, с. 294]. Но это уже второй, московский период российской государственности.

Государство как политическая форма является определенной комбинацией институтов, правил и практик образования и распределения власти [20; 21]. В основе государства лежит связь между территорией, политическим аппаратом и населением. Четвертым элементом, введенным Б. Джессо-пом, стала *идея государства* или *государственный проект*, которые определяют «природу и цели государственных действий» [22]. Как сложное целое, оно нуждается в определенном управленческом аппарате, госучреждениях. Система государственного управления зависит от набора, числа и однородности поставленных целей. Относительно ограниченный набор задач – «суд, войско и финансы» [14, с. 164] – обусловил сравнительную простоту государственного устройства. Иными словами, чем глубже уходить в историю, тем, как правило, проще будет политическое устройство и политическая жизнь народа.

Заключение

Применительно к древнерусскому периоду можно говорить о смешанности формы правления. Это и не охлократия (господство черни), но и не тирания. Сочетание различных элементов власти – княжеской (монарх), боярской (аристократия) и народной (демократия) – обеспечивало законность и управляемость, позволяя отнести форму правления к политике. Структура правления предполагала коллегиальную и единоличную организацию власти, элементы представительства и совещательные учреждения (боярская дума, вече). Уже на данном этапе можно говорить о проявлении в политическом устройстве государственной власти механизмов социальной самоорганизации. Верховная власть приобретала сущностный признак государственной власти – выражение не только групповых, сословных интересов, но и общенациональных, что способствовало социальной и политической интеграции.

Попытки прямого исторического сопоставления и поиска функциональных эквивалентов в современной политической практике представляются не вполне уместными. Ретроспективные обращения могут иметь четко локализованную временную привязку. Однако несмотря на различия предшествующих и действующих форм правления, историческая рефлексия позволяет увидеть определенную *инерционность* и органическую устойчивость государственно-политических структур и властных отношений. Не претендуя на попытки прогноза и моделирования потенциальных форм верховной государственной власти, заметим, что интерес к прошлому дает материал для выявления исторических закономерностей и оценки степени их укорененности.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. I. Введение и общая часть. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1893. [Korkunov N. M. *Russian State Law. Vol. I. Introduction and general part.* St. Petersburg: Tipografiia M. M. Stasiulevicha, 1893. (In Russ.)]
2. Корф С. А., Толстой А. К. История русской государственности. Т. 1. Основные черты древне-русского государства. СПб., 1908. 273 с. [Korf S. A., Tolstoi A. K. *History of Russian statehood. Vol. 1. The main features of the ancient Russian state.* St. Petersburg, 1908, 273. (In Russ.)]
3. Бондаренко Д. М., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Альтернативы социальной эволюции. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*, ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев. Волгоград: Учитель, 2006. С. 15–36. [Bondarenko D. M., Grinin L. E., Korotayev A. V. *Alternatives to social evolution. Early state, its alternatives and analogues*, eds. Grinin L. E., Bondarenko D. M., Kradin N. N., Korotayev A. V. Volgograd: Uchitel, 2006, 15–36. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tbxhkt>
4. Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. 256 с. [Luhmann N. *Power.* Moscow, 2001, 256. (In Russ.)]
5. Тихомиров Ю. А. Государство. М.: Норма, Инфра-М, 2013. 320 с. [Tikhomirov Yu. A. *State.* Moscow: Norma, Infra-M, 2013, 320. (In Russ.)]
6. Манн М. Источники социальной власти. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н. э. М.: Дело, 2018. 760 с. [Mann M. *The sources of social power. Vol. 1: A history of power from the beginning to AD 1760.* Moscow, 2018, 760. (In Russ.)]
7. Карнейро Р. Л. Теория происхождения государства. *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*, ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев. Волгоград: Учитель, 2006. С. 55–70. [Karneyro R. L. *Origin of the state. Early state, its alternatives and analogues*, eds. Grinin L. E., Bondarenko D. M., Kradin N. N., Korotayev A. V. Volgograd: Uchitel, 2006, 55–70. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tbxhil>
8. Дробязко С. Г. Происхождение государства. *Основы теории государства и права*, ред. В. А. Витушко, В. Г. Тихиня, Г. Б. Шишко. Минск, 2002. С. 12–13. [Drobiazko S. G. *Origin of the State. Fundamentals of the state and law theory*, eds. Vitushko V. A., Tikhinia V. G., Shishko G. B. Minsk, 2002, 12–13. (In Russ.)]
9. Классен Х. Дж. М. Эволюционизм в развитии. Раннее государство, его альтернативы и аналоги, ред. Л. Е. Гринин, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев. Волгоград: Учитель, 2006. 37–52. [Claessen H. J. M. *Evolutionism in development. Early state, its alternatives and analogues*, eds. Grinin L. E., Bondarenko D. M., Kradin N. N., Korotayev A. V. Volgograd: Uchitel, 2006, 37–52. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tbxhiv>
10. Основы права, ред. В. Б. Исаков. М.: Норма, 2018. 480 с. [Fundamentals of law, ed. Isakov V. B. Moscow: Norma, 2018, 480. (In Russ.)]
11. Шмитт К. Государство и политическая форма. М.: ВШЭ, 2010. 272 с. [Schmitt C. *State and political form.* Moscow: HSE, 2010, 272. (In Russ.)]
12. Лукьянова Е. А. К вопросу о специфике российской государственности. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки.* 2002. № 1. С. 13–34. [Lukyanova E. A. *On the specificity of Russian statehood. Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, 2002, (1): 13–34. (In Russ.)]
13. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1907. [Vladimirskii-Budanov M. F. *Overview of the Russian law history.* St. Petersburg; Kyiv, 1907. (In Russ.)]
14. Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб.: Наука, 2005. [Diakonov M. A. *Essays on the society and state of Ancient Russia.* St. Petersburg: Nauka, 2005. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qpavvv>
15. Солодова Г. С. О началах государственного объединения русских земель (по М. Ф. Владимирскому-Буданову). *Евразийский Союз: вопросы международных отношений.* 2021. Т. 10. № 3. С. 191–197. [Solodova G. S. *On the beginnings of the state unification of Russian lands (according to M. F. Vladimirsky-Budanov). Eurasian Union: Issues of International Relations*, 2021, 10(3): 191–197. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35775/PSI.2021.37.3.003>

16. Ковалевский М. М. Очерки по истории политических учреждений России. М.: Территория будущего, 2007. 238 с. [Kovalevskii M. M. *Essays on the history of political institutions in Russia*. Moscow: Territoria budushchego, 2007, 238. (In Russ.)]
17. Салмин А. М. Современная полития под знаком Аристотеля. *Полис. Политические исследования*. 1992. № 5-6. С. 123–132. [Salmin A. M. Modern polity: Aristotle's view. *Polis. Political Studies*, 1992, (5-6): 123–132. (In Russ.)]
18. Сергеевич В. И. Лекции и исследования по истории русского права. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1910. 667 с. [Sergeevich V. I. *Lectures and research on the history of Russian law*. St. Petersburg: Tipografiia M. M. Stasiulevicha, 1910, 667. (In Russ.)]
19. Лукин П. В. «Народные собрания» у восточных славян: возможности сравнительного анализа. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2004. № 3. С. 5–11. [Lukin P. V. "People's assemblies" among the East Slavs: the possibilities of comparative analysis. *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 2004, (3): 5–11. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rgmjgt>
20. Kaspe S. I. Life, death, and the state. *Russia in Global Affairs*, 2021, 19(3): 174–204. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2021-19-3-174-204>
21. Кирсанов А. И. Государство как субъект обеспечения безопасности личности. *Власть*. 2021. Т. 29. № 1. С. 45–53. [Kirsanov A. I. State as a subject of ensuring human security. *Vlast*, 2021, 29(1): 45–53. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7887>
22. Лапкин В. В. Государство во временах и пространствах: многообразие и изменчивость. *Полис. Политические исследования*. 2020. № 6. С. 148–162. [Lapkin V. V. The state in times and spaces: diversity and variability. *Polis. Political Studies*, 2020, (6): 148–162. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.11>